СВ. ЕКАТЕРИНА СИЕНСКАЯ: ФЕНОМЕН «СОЦИАЛЬНОЙ МИСТИКИ»

А.В. Топорова

Исследователями жизненного и творческого пути св. Екатерины Сиенской нередко использовались термины «социальная мистика» или «активный мистицизм»[1], имеющие оксюморонный характер. При этом содержание этих терминов не раскрывалось в достаточной мере. Можно спорить об уместности таких обозначений, однако они передают очень важную реальность: то, что ранее всегда было скрыто и являлось достоянием отдельной личности, ее сокровенных связей с Богом, теперь вышло на поверхность, открылось для окружающих и стало активно влиять на их жизнь. Мистический опыт Екатерины Сиенской оказался теснейшим образом связанным с общественной жизнью ее эпохи. Вместе с тем он вписывается в характерное для Средних веков явление, которое позже стали называть «женской мистикой»[2]. Вспомним Ядвигу Антверпенскую, Мехтхильду Магдебургскую, Анджелу да Фолиньо, Бригитту Шведскую и многих других женщин-мистиков, религиозный опыт которых сочетал в себе глубокие мистические переживания и своеобразную миссионерскую деятельность, открытость по отношению к миру и стремление приобщить его к своим откровениям.

О жизни Екатерины Сиенской известно немало, при этом большая часть наших знаний о святой опирается на агиографические, а не на исторические источники. Наиболее основательными житиями являются «Большая легенда» Раймондо да Капуа, духовника Екатерины, и «Малая легенда» Томмазо Каффарини. Приходится только удивляться, что личность, сыгравшая столь важную роль в жизни своего времени, связанная с ключевыми событиями и проблемами эпохи, оказалась обойденной вниманием историков и хронистов. Имя Екатерины упоминается лишь в хронике флорентийца Маркьоне ди Коппо Стефани, а о ее смерти сообщает Донато ди Нери, подробно описывающий историю Сиены этого периода.

Екатерина родилась в семье сиенского красильщика Якопо Бенинказа, Мать Екатерины, Лапа, была дочерью сиенского поэта Пуччо ди Пьяченте. Известно, что она дожила до 89 лет и имела 25 детей. Екатерина была предпоследним ребенком. Годом рождения Екатерины принято считать 1347. По мнению некоторых исследователей, эта дата может вызывать сомнения[3]. Если принять ее за подлинную, то Екатерина прожила 33 года – возраст Христа и весьма почитаемой доминиканцами Марии Магдалины. Не исключено, что составители житий воспользовались этим сходством, реальным или выдуманным, для подтверждения ее святости, что было достаточно распространенным приемом. В возрасте шести-семи лет произошло событие, определившее дальнейшую жизнь Екатерины. Ей было видение: она увидела в воздухе невысоко над землей Христа на троне в епископском (по другой версии, в папском) облачении. От Него исходил луч света по направлению к Екатерине. Он ей улыбнулся (благословил ее, по другой версии). Рядом находились апостолы Петр и Павел, какими их изображают в церкви. Так, впервые проявилась мистическая одаренность Екатерины. Вероятно, именно тогда Екатерина обрела ту характерную для нее, почти экстатическую радость, выделявшую ее среди окружающих.

Екатерина с детства отличалась углубленной духовной жизнью, и поэтому когда ее хотели выдать замуж в возрасте 12–13 лет, она ответила решительным отказом. С этого времени ее положение в доме стало весьма непростым. Ее родные не понимали причин ее отказа, разговоры о монашестве воспринимали как несерьезные отговорки, а

---

[1] *Getto G.* Saggio letterario su S. Caterina. Roma, 1971; *F. Mancini.* Ispirazione e linguaggio di santa Caterina da Siena. Trieste, 1951.

[2] О женской мистике см.: *Dinzelbacher P.* Misttelalterliche Frauenmystik. Padeborn, 1993.

[3] *Fawtier R., Canet L.* La double expérience de Cathérine Benincasa. P., 1948. P. 28.

склонность к уединению и молитве – как странности. Как сообщают жития, на нее возложили всю домашнюю работу. Екатерина же оставалась непреклонной. Она довольно рано проявила силу характера и целеустремленность, перед которыми окружающим трудно было устоять. Смерть сестры Бонавентуры в 1362 г. еще более укрепила Екатерину в ее намерении оставить мир и посвятить себя Богу. В 1364 г. она вступает в доминиканский третий орден так называемых mantellate, куда входили замужние женщины и вдовы. Третий орден представлял собой умеренное монашество в миру[4], основными занятиями его членов были дела милосердия, помощь больным, милостыня. В эту эпоху монашество в миру стало довольно распространенным явлением. Такие святые, как Маргерита да Кортона, Умилиана де' Черки, Анджела да Фолиньо, Ванна да Орвието, вели строгую монашескую жизнь, не давая, однако, монашеских обетов. В житии Умилианы де' Черки, флорентийской святой XIII в., подчеркивается сознательный характер такого выбора. Для нее это было свидетельством наступления новой эпохи, когда никто уже не может уклониться от любви Христовой, равно даруемой монахам и мирянам. Оставшись вдовой после пятилетнего замужества, она была лишена родными наследства и изгнана из дома за отказ от второго брака. Уединившись в заброшенной башне, она вела отшельническую, молитвенную жизнь, имела видения. Вместе с тем она прерывала свое уединение для помощи страждущим, ухода за больными, помощи нуждающимся.

Екатерина же с самого начала стала вести строго аскетическую жизнь с ограничениями в еде и сне; жития упоминают также о власянице и самобичевании. С течением времени ее начинают ценить, в ордене ее называют «мама» за самоотверженную любовь ко всем и постоянную готовность прийти на помощь. Она привлекает к себе людей, у нее ищут совета, духовной поддержки, понимания. Вскоре вокруг нее образуется группа учеников и последователей, так называемая «famiglia» («семья»), которая просуществовала до конца ее жизни. Это не была монашеская община с определенным уставом, всех объединяла и притягивала личность Екатерины, а не внешняя организация или определенные правила. В «семью» входили самые разные люди по социальному положению, образованию, жизненному и духовному опыту. Здесь были доминиканцы, францисканцы, бенедиктинцы; итальянцы, французы, англичане; монахи и миряне; люди необразованные и ученые, среди последних – Раймондо да Капуа и Томмазо Каффарини, поэт Нери да Ландоччо Пальярези, валломброзианский монах, автор проповедей, писем и «вульгаризаций» Джованни далле Челле, английский отшельник и поэт Уильям Флит. И для всех Екатерина была мудрой и любящей духовной наставницей, со всеми она находила общий язык.

Постепенно деятельность Екатерины выходит за рамки «семьи» и ближайшего окружения. Она видит свою миссию не только в помощи бедным, больным, нуждающимся в духовном совете, но гораздо шире: она осознает ключевые этические, политические и религиозные проблемы, назревшие в окружающей ее действительности, прежде всего в жизни Церкви, и со свойственными ей пылом и непреклонностью берется за их разрешение. Предполагают, что такая перемена обусловлена видением, которое было Екатерине в 1370 г.: Христос отверзает ей грудь, вынимает ее сердце и заменяет его Своим. Происходит мистическое изменение ее души. Похоже, что именно это духовное переживание и дало Екатерине в дальнейшем основание с непоколебимой твердостью заявлять, что является Божией волей, а что нет. Теперь она ставит перед собой три основные задачи: добиться возвращения папского престола в Рим; установления мира между городами, а также между городами и Папой; организацию крестового похода. Екатерина обращается с письмами к Папе Григорию XI, настойчиво требуя от него перебраться в Рим, объясняя пагубность существующего положения дел и порой даже угрожая. Она не сомневается, что в этом заключается воля Божия и, не вникая в конкретные обстоятельства, не принимая во внимание возможных препятствий и осложнений, упорно требует исполнения этой воли.

Во время эпидемии чумы 1374 г. Екатерина самоотверженно ухаживает за больными. В том же году Екатерина была приглашена в Пизу городскими властями. Она становится все более известной, многие просят ее советов и помощи в самых разных делах. Интенсивная внутренняя жизнь не мешает Екатерине деятельно участвовать в делах

[4] *Leonardi C.* Caterina, la mistica // Medioevo al femminile /a cura di F. Bertini. Roma; Laterza, 1989. P. 387.

мира сего. Такая антиномичность активного и созерцательного, мужского и женского начала, суровой решительности и мягкости делают личность сиенской святой и ее жизненный путь неповторимыми и не всегда понятными. Ее действия нередко и ее современникам казались странными и необоснованными. Даже духовные лица не всегда могли постичь смысл того, что она говорила и делала. Такова и история ее встречи с Папой Григорием XI. В 1375 г. резко обостряются отношения между итальянскими городами и Авиньоном. Города, считавшие, что Григорий XI ограничивает их свободу, объединились во главе с Флоренцией в антипапскую лигу (в нее входили Сиена, Пиза, Лукка). Флоренция подписала соглашение и с миланским правителем Бернабо Висконти, злейшим врагом св. Престола. В ответ на эту ситуацию Папа издает суровый вердикт: разрушить дома бунтовщиков, отлучить их от Церкви. Екатерина всеми силами пытается предотвратить самое худшее. Она пишет пылкие, почти отчаянные письма Григорию XI, кардиналу Корсини, имеющему влияние на Папу, флорентийцам, призывает всех к смирению, к прощению взаимных обид, к объединению ради крестового похода. Она неустанно повторяет, что такова воля Божия.

А в 1376 г. она сама отправляется в Авиньон. Цель ее поездки двойная: примирить враждующие стороны и добиться возвращения Папы в Рим. О возвращении в Рим Екатерина все время говорит и в своих письмах Григорию: «И не откладывайте ваш приезд. Не верьте дьяволу, который видит причиняемый ему ущерб и потому старается возмутить вас и заставить вас отложить ваши дела, чтобы вы утратили любовь и милосердие, и помешать вашему приезду. Я говорю вам, отче во Иисусе Христе, чтобы вы скорее прибыли, как кроткий агнец. Ответьте Духу Святому, призывающему вас. Я говорю вам: приезжайте, приезжайте, приезжайте и не ждите удобного времени, ибо время не ждет вас» (письмо 206)[5] (здесь и далее перевод мой – *А.Т.*). Сказать, что эта поездка увенчалась успехом, было бы неверно. Папа не внял уговорам Екатерины, сурово принял флорентийцев и не пошел на их условия. Что касается переезда папского престола в Рим, то это решение давно уже зрело и Папа лишь ждал удобного момента для его осуществления. Уже Урбан V в 1367 г. приезжал в Рим и собирался там надолго остаться, но обострившиеся отношения между Францией и Англией заставили его вновь вернуться в Авиньон. Григорий же хотел услышать от Екатерины не общие рассуждения о пользе возвращения в Рим и пагубности пребывания в Авиньоне, а рассказ об откровении, где прямо говорилось бы об этом. Такового не последовало, и стороны расстались, не удовлетворенные встречей. Надо сказать, что многие инициативы Екатерины терпели поражение. Она исходила из духовных причин, не разбираясь часто во внешних обстоятельствах и реальных противоречиях и трудностях, поэтому ее советы порой воспринимались как наивные и поверхностные, не затрагивающие суть вещей.

Непереносимы были для Екатерины нестроения внутри Церкви. Она глубоко переживает недолжное поведение церковных иерархов, обращается к Папе с письмами о необходимости проведения реформ. Она призывает Григория XI «повыдергивать зловонные цветы, исполненные нечистоты и алчности, раздувшиеся от гордости в саду святой Церкви; т.е. плохих пастырей и правителей, отравляющих и наводняющих гнилью этот сад ... Посадите в этом саду душистые цветы, пастырей и правителей, которые были бы истинными слугами Иисуса Христа, которые стремились бы лишь к славе Божией и к спасению душ и были бы отцами для бедных»[6] (письмо 206). Она упрекает церковных иерархов, включая и Папу, в себялюбии, пагубном для пастыря и для пасомых: «Ибо он видит, что его подчиненные совершают поступки и грехи, и, похоже, делает вид, что не замечает и не исправляет их; или если исправляет, то делает их с такой теплохладностью сердечной, что вовсе не искореняет порок, а лишь налагает на него пластырь, и всегда боится не понравиться и вступить в войну с кем бы то ни было ...О человеческое ничтожество! Слеп больной, не знающий своей нужды; и слеп пастырь, он же есть врач, если он смотрит и печется лишь об удовольствии и о своей собственной пользе ...И больной и врач попадают

[5] *St. Caterina da Siena.* Le lettere /a cura di U. Meattini; edizioni Paoline. Roma, 1987. P. 70. Русский перевод писем Екатерины Сиенской находится в печати: *Св. Екатерина Сиенская.* Письма / пер., вступ. статья, комм. А.В. Топоровой. (Серия «Литературные памятники».) М., 2011.

[6] *St. Caterina da Siena.* Op. cit. P. 68.

из-за этого в ад» (письмо 185)[7]. Реформа Церкви связана в понимании Екатерины с необходимостью крестового похода. Если ранее главной целью крестовых походов было отвоевать святые для христиан места у язычников, то Екатерина видит задачу похода в просвещении светом Христовым тех народов, которые лишены этого великого блага, в расширении и укреплении Церкви Христовой, а также в возможности принять мученичество за Христа.

Когда в 1378 г. новоизбранный Папа Урбан VI отталкивает от себя чрезмерной резкостью и своенравием своих бывших сторонников (в том числе французского короля Карла V и Неаполитанскую королеву Иоанну) и коллегия кардиналов избирает французского Папу, или антипапу, Климента VII, положив тем самым начало Великому расколу, Екатерина воспринимает это крайне болезненно. С отчаянными письмами обращается она ко всем, от кого только зависит изменить эту ситуацию. Она уговаривает, требует, угрожает, всячески пытается предотвратить окончательный раскол и вражду. Она пытается вразумить Карла V: «Я весьма удивляюсь, что католик, желающий стяжать страх Божий и быть мужественным, дает себя направлять, подобно ребенку, и не видит, что и себя и других обрекает на погибель, каковой является осквернение света святейшей веры советами и речами людей, о которых мы знаем, что они бесовские члены, засохшие деревья; чьи пороки проявились в недавнем яде ереси, посеянном ими, когда они начали утверждать, что папа Урбан VI не является Папой. Откройте очи разума и узрите, что они лгут на своего главу» (письмо 350)[8]. Еще более резко обращается она к Неаполитанской королеве Иоанне, которая сначала приняла Урбана VI, а затем отвернулась от него из-за его резкого поведения: «Из госпожи вы превратились в служанку и рабу того, что не имеет в себе бытия, подчинились лжи и ее отцу, дьяволу; вы забыли наставления святого Духа и внимаете советам бесов во плоти. Росток (дословно член), привитый к истинной лозе, ножом самолюбия вы были отрезаны от этой лозы, из законной дочери, нежно любимой отцом, наместником Христа на земле, папой Урбаном VI, истинным Папой и верховным понтификом, вы стали чужой, отдалились от груди вашей матери святой Церкви, где вы так долго кормились. Увы, увы, вас можно оплакивать как мертвую, изгнанную из жизни Благодати; мертвую душой и мертвую телом, если вы не освободитесь от такого заблуждения» (письмо 317)[9].

И если прежде она упрекала Урбана VI, то теперь, не вникая в суть его поведения, она радеет о единстве Церкви и с огромной силой темперамента и убеждения призывает кардиналов к послушанию именно Урбану VI как законному главе Церкви: «Я поняла, что бесы во плоти избрали не Христа на земле, но породили антихриста против вас, Христа на земле; я исповедую и не отрицаю, что вы наместник Христа и держите ключи от чертога святой Церкви, где хранится кровь непорочного Агнца; вы являетесь Его служителем невзирая на тех, кто говорит обратное, и в посрамление той лжи, которую Бог рассеет своей сладостной истиной ... Вперед же, святейший отец! Вступите бесстрашно в это сражение» (письмо 306)[10]. В 1379 г. она сама приезжает в Рим со своей «семьей», чтобы лично воздействовать на кардиналов. Хотела она отправиться и в Неаполь для переговоров с Иоанной, но не получила на это благословения, вероятно, в связи с состоянием своего здоровья. Раймондо да Капуа был отправлен к Карлу V, но так и не добрался до Парижа. Поверив слухам, что его хотят убить в пути, он остановился в Генуе. Екатерина обращается к нему с суровым письмом: «Смотрите, не уклоняйтесь от тягот, наоборот, радостно принимайте их и несите со святым желанием, говоря “Добро пожаловать” и “Какую благодать дарует мне мой Создатель, попуская переносить тяготы и страдать во славу и хвалу Его имени... Отдайте жизнь за распятого Христа, утоните в крови распятого Христа”» (письмо 100)[11]. Создается впечатление, что не он является ее *духовником, а она руководит им. Когда он отказался и от попытки* продолжить путешествие, скорби и гневу

[7] Ibid. P. 59.

[8] Ibid. P. 270.

[9] Ibid. P. 312.

[10] *St. Caterina da Siena*. Op. cit. P. 126.

[11] Ibid. P. 1116.

Екатерины не было конца, о чем свидетельствует ее очередное письмо к Раймондо: «А если вы оказались неверным, вновь примите крещение в крови. Если дьявол затуманил взор вашего разума, омойте ваши очи в крови; если вы впали в неблагодарность и не признаете полученных даров, обретите благодарность в крови» (письмо 102)[12].

Неустанная борьба за единство Церкви, за проведение реформы внутри нее подрывала силы Екатерины. Переезд папского престола в Рим состоялся, но не принес ожидаемых результатов. Последовавший раскол Церкви оказался еще худшим злом, и увидеть его преодоление Екатерина уже не могла надеяться. Непонимание окружающих, невозможность хоть как-то повлиять на ход событий, глубокие переживания в связи с состоянием Церкви окрасили последние годы ее жизни в трагические тона и приблизили ее кончину, последовавшую в мае 1380 г. Последними словами Екатерины были: «Кровь! Кровь!» – лейтмотив всей ее жизни, символ жертвенной любви. Похоронена Екатерина Сиенская в Риме в церкви Санта Мария сопра Минерва, канонизирована в 1461 г.

От Екатерины Сиенской до нас дошли молитвы, мистический трактат «Книга божественного учения» (”Libro della divina dottrina”) – так называла ее сама Екатерина, впоследствии же закрепилось название «Диалог о божественном Провидении» (”Dialogo della divina provvidenza”) – и письма. Главная тема всей жизни и всего творчества Екатерины – это любовь. В «Диалоге» и в письмах она развивается, повторяется, варьируется одним и тем же образом. Человек должен познать самого себя, «войти в келью познания себя» («в сосуд познания себя») или «уединиться в келье познания себя», как образно говорит Екатерина; он должен осознать бездну, отделяющую его от Бога, и понять, что сам по себе, вне Бога, он ничто (себя она называет «quella che non e» – дословно «та, которой нет»), а все бытие – только от Бога. Любовь – основа всего: отношений человека и Бога, отношений между людьми, Церкви, каждого конкретного большого или малого дела. Особенно ярко и непосредственно представлена эта тема в письмах.

Письма Екатерины Сиенской (их сохранилось 381) представляют собой уникальное свидетельство о жизни эпохи, с одной стороны, и замечательный памятник мистической литературы – с другой. Именно в них прежде всего и проявляется то удивительное соединение общественного и религиозного пафоса, которое дало основание говорить о «социальной мистике» Екатерины Сиенской. Глубокий, сокровенный опыт Божественной любви, являющийся ядром мистических переживаний и описывающих их сочинений, используется для решения сиюминутных задач, стоящих перед обществом, Церковью, отдельными деятелями. Сопряжение двух столь разных, можно сказать, противоположных, начал дает удивительный эффект. Скромная доминиканская монахиня третьего ордена становится учителем жизни церковных иерархов, особ королевской крови, политических деятелей. Предлагаемые ей решения отличаются проницательностью и глубинным пониманием насущных общественных проблем. А эпистолярный жанр исполняет функции богословского трактата и проповеди одновременно.

В самом деле, в письмах Екатерины высказываются и развиваются положения, достойные теологического сочинения. И вместе с тем каждое письмо можно назвать микропроповедью, т.е. проповедью, обращенной не к большой аудитории, а к одному человеку. Адресаты ее проповеди принадлежали к самым разным общественным слоям: она писала Папам Римским (Григорию XI и Урбану VI), кардиналам, епископам, священникам, монахам и монахиням; особам королевской крови (Иоанне Неаполитанской, французскому королю Карлу V, королю Венгрии Людовику); представителям аристократии; деятелям искусства, ремесленникам, медикам, юристам, простым горожанам, своим родственникам и знакомым. Подобно опытному проповеднику, учитывающему специфику своей аудитории, Екатерина, принимает во внимание характер своих адресатов, обстоятельства их жизни. Цель же одна – добиться нужных результатов, угодных Богу и спасительных для адресата. Ее письма не безличны, диапазон ее интонаций меняется от любовно-увещевательных до угрожающих. Это дало основание говорить о множестве стилей Екатерины в рамках единого языка[13], а также назы-

[12] Ibid. P. 1119.

[13] *Bertoni G.* Il linguaggio mistico di Santa Caterina da Siena // Spunti, scorci e commenti. Geneve, 1928. P. 183–219.

вать ее письма настоящей симфонией[14]. Она трогательно и терпеливо увещевает монаха, оставившего орден («Увы, увы, думаю, что причиной всех бед – мои грехи. Прошу вас, не желайте, не наносите более ущерба себе и поругания Богу, не расстраивайте ваших братьев, но возьмите иго послушания и ключи крови Христовой... Если бы я была рядом с вами, я узнала бы, какой бес уволок мою овечку и на какой цепи он ее держит, не давая ей вернуться в стадо вместе с прочими. Но я постараюсь разглядеть это с помощью непрестанной молитвы и этим ножом перерублю удерживающую ее цепь, тогда душа моя будет блаженна», письмо 173)[15] и резко обличает своего духовника Раймондо да Капуа в малодушии. В своих письмах Екатерина на редкость экспрессивна. Ее внутреннее горение и устремленность к Богу, с одной стороны, и «желание» («desiderio») передать эту любовь людям и побудить их исполнять волю Божию – с другой, определяют эмоциональный накал писем. Восклицания, вопросы, повторы и логическое выделение – все эти приемы служат цели убеждения, отражают интенсивность чувства, целеустремленность.

Как и проповедники, Екатерина очень высоко оценивает свою миссию, важность которой она остро переживала: посланный ей свыше дар любви и знания воли Божией предназначается не ей одной, а всем христианам, поэтому она не может молчать. При всей своей мягкости и любвеобильности она жестко и настойчиво требует выполнения того, что считает волей Божией. Побуждая папу Григория XI переехать в Рим, Екатерина прямо заявляет о том, что такова воля и Божия, и призывает не препятствовать ее исполнению: «О, отче, я умираю от боли и не могу умереть. Придите, придите и не противьтесь более воле Божией, призывающей вас; изголодавшиеся овечки ждут, чтобы вы пришли и заняли место вашего предшественника и учителя, апостола Петра» (письмо 196)[16]; или «Ответьте Духу Святому, призывающему вас» и «Будьте мужественны, а не боязливы. Ответьте Богу, призывающему вас приехать и занять место преславного пастыря, святого Петра, наместником которого вы остались» (письмо 206)[17]. Не однажды Екатерина объясняет неуспех того или иного важного дела своими грехами; себя она ощущает связующим звеном между Богом и людьми.

Св. Екатерину Сиенскую нельзя назвать ни богословом, ни политиком, ни проповедником в строгом смысле слова, ибо прежде всего она – мистик, поглощенный чувством божественной любви и стремящийся передать ее людям, раскрыть перед ними это великое чудо, преображающее жизнь. Но именно в силу этого она была и богословом, и политиком, и проповедником, т.е. подобно апостолу Павлу стремилась быть – «всем для всех, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1Кор., 9: 20–22). И термин «социальная мистика», думается, стоит понимать прежде всего в таком смысле.

© Топорова А.В., 2011

[14] *St. Caterina da Siena*. Op. cit. P. 13.

[15] Ibid. P. 1471.

[16] *St. Caterina da Siena*. Op. cit. P. 66–67.

[17] Ibid. P. 70.